

Когда слышишь в небе новую машину...

К ПОРТРЕТУ ХУДОЖНИКА

Николаю Алексеевичу Ромадину, заслуженному художнику РСФСР, исполнилось 60 лет. Это имя много говорят театральным зрителям. Сценография Ромадина составляет целый период в жизни областного драматического театра в 60-е годы.

Как бы согревая озябших прохожих, рдеет в зимних сумерках золотисто-изумрудно-рубиновый витраж городского агентства Аэрофлота, одного из самых нарядных зданий на улице Ленина в Кургане. Обыкновенный современный дом сделал нарядным вместе с А. Морозовым и Н. Ромадин. Теперь главная сфера приложения сил художника — интерьер служебного помещения. Главная, но не единственная, потому что тянется душа и к живописи, и к графике. Это мы знаем по выставкам и по планам, которыми Н. А. Ромадин поделился накануне своего юбилея.

как же с мечтой о полетах и самолетах?

— И по сей день на душе скребет, когда слышишь в небе новую машину, — говорит Николай Алексеевич.

Теперешний круг занятий художника предполагает дела «долговечие». Назовем оформление интерьера операционного зала в транс-агентстве на пр. Машиностроителей, холлов и номеров гостиницы при агентстве. Оформление аудитории одной из кафедр и диорамы для сельскохозяйственного института, упомянутое уже городское агентство Аэрофлота.

Сейчас на очереди эскизы декоративного панно для нового Дворца культуры в Мишкино. Новое дело — новые радости и огорчения. Как знатока театра, Николай Алексеевич не устраивает конструкция сцены нового очага культуры, предполагающего размах. С удивлением узнал, что проектом выполнял специальный институт — «Гипротейтр». Эстетические результаты были бы более интересны, да и деньгам экономия, если бы художники и архитекторы вступали в контакт раньше, когда все еще на бумаге. Теперешняя же практика складывается не лучшим образом. Вот вам, товарищ художник, готовое здание, украсьте его, как можете... Размеренно, спокойно и обстоятельно, в своей всегдашней манере, говорит художник, доказательно приводя дельные соображения по градостроительству и эстетике города.

И отодвигаются границы заслуженного отдыха куда-то в даль. Потому что любая, даже самая длинная, жизнь коротка, а искусство, как известно, вечно.

Т. ШУТОВА.

НА СНИМКЕ: заслуженный художник РСФСР Н. А. Ромадин.

Фото А. Кузнецова.

Первый блин не вышел комом, однако же целое десятилетие отделяет еще Николая Алексеевича от твердого решения стать театральным художником. А пока сердце рванулось навстречу призыву: «Комсомолцы — на самолеты!». В духе крылатого времени высветилась мечта — Московский авиационный институт. С притягательной силой знаменитого МАИ в те годы, как, впрочем, и сейчас, едва ли могло соперничать какое-то другое учебное заведение. Попытка поступить в заветный вуз — и раз, и другой — кончается компромиссом: тоже авиационный институт, только в Рыбинске. Второй курс на моторостроительном факультете близился уже к зазершанию, но тут подступили сороковые, роковые... Применительно к судьбе Николая Алексеевича в военные годы слова поэта оборачиваются горчайшей точностью. Но об этом чуть позднее.

— Под ватным колпаком никогда не был, — говорит сам Ромадин. И это надо понимать в том смысле, что обстоятельства постоянно испытывали его на прочность, а продолжительность испытаний и жесткость познания при необыкновенной способности к самообразо-

ванию и совершенствованию помогли ему сделать тем, кто он есть, — художником-грузчиком. Ибо что такое художник театра? К зрителю повернута, как и должно быть, парадная сторона его труда. Но на нее приходится, как полагает Николай Алексеевич, примерно 20 процентов времени. Остальное — поиски материалов, беготня по базам и складам, по крайней мере в местных условиях. И благодарна она в каком-то отношении, эта работа. Сколько живет спектакль, столько и декорации. Остаются лишь эскизы. Поверим опыту. Ромадин отдал театру больше четверти века. В его послужном списке послевоенного времени сцены театров Мурманск, Якутии, Мордовии, Кузбасса, а затем и Кургана.

Свет, простор, ощущение присутствия природы, яркость, точность деталей, тщательная продуманность — так звучит сценография Ромадина в моем воспоминании. Это всегда утверждение бытия, светлых его сторон, даже если в пьесе торжествует зло. Вспомним спектакли «Ермак», «Правда и кривда», «Мария Тюдор», «Трактирщица» — все из лучших, что было на сцене

ганской сцене за последнее десятилетие.

Сложны пути, по которым в сознании художника идет преломление образа жизненного и превращение его в образ художественный. Это всегда таинственно. Всплывают в моей памяти крепостные ворота в «Мария Тюдор» — массивные, подавляющие громадой своей, не ворота даже — врата, отделяющие добро от зла, жизнь от смерти. Но ведь сам он, художник, в черные для себя времена не единожды стоял перед подобными вратами! В те сороковые, роковые, когда вместе с госпиталем раненым попал в плен и начался бесконечно долгий кошмар, в котором было все, начиная с неудачной попытки побега. Штрафная команда в Дрездене (за то, что отверг искуса власовцев), полицейская тюрьма (за саботаж на заводе) и, наконец, концлагерь Флоссенбург в Верхней Баварии.

Верно, верно сказано и о молодости, которая бессмертна, и о том, что ничто не проходит бесследно... Даже и малая малость. Соприкосновение с техникой приучило художника к точности в деталях, особенно в книжной графике, а ею Ромадин тоже занимался. А

79

КОРЕТОВЕ САНДИЧЕ

17 ЯНВ 1979

СУДЬБА человека, который родился в 1919 году, наверное, не может быть неинтересной уже в силу того, что она пришлась именно на то время, властное и жизнерадостное, тяжелое и полное неизбежно оптимизма. И разве не перст судьбы указал ученику школы-семилетки им. Ленина в Полтаве живописную мастерскую, основанную обществом друзей детей? Правда, шестиклассник Ромадин пришел сюда по причине чисто прозаической — в поисках заработка. Так и повелось. Утром — в мастерскую писать таблички и прочее, а школа была во вторую смену. Параллель — учеба и добывание хлеба насущного — потянулась и далее: рабфак при строительном институте и рекламная работа в парке и двух кино-театрах. Позднее чаша весов как будто качнулась в сторону искусства — заведовал декоративным цехом в музыкально-драматическом театре, а затем оформил первый свой спектакль. Автор пьесы уже не помнит теперь, но название — да: «Клятва профессора Франциска Фернандеса». Дело было в разгар гражданской войны в Испании, и именно об этих событиях шла речь в пьесе.